

УДК 821.161.1
DOI 10.17223/18137083/64/12

В. А. Суханов

Томский государственный университет

**Аксиология автора и героя
в повестях В. П. Астафьева 1990-х годов: «Веселый солдат»**

На материале повести В. П. Астафьева «Веселый солдат» исследуется специфика взаимодействия ценностных миров автора-демиурга, героя и рассказчика в структуре художественного целого, организованного автобиографическими ценностями. Устанавливается, что аксиология автора-демиурга в «авторской» прозе не равна ценностным мирам героя и рассказчика, несмотря на их особую автобиографическую близость автору-творцу.

Ключевые слова: проза о войне, В. Астафьев, аксиология, повесть, поэтика повествования, художественное целое, ценностные миры.

Проза о войне составляет отдельный большой пласт в литературном процессе 1990–2000-х гг. и занимает в нем особое место. С одной стороны, писателями старшего поколения в этот период созданы романы и повести о Великой Отечественной войне (романы «Генерал и его армия» (1994) Г. Владимова, «Прокляты и убиты» (1994) В. Астафьева, «Жизнь моя, иль ты приснилась мне?..» (2003, публ. 2012) В. Богомолова, повести «Обертон» (1996) и «Веселый солдат» (1997) В. Астафьева). Новые аспекты изображения этой войны находит А. Геласимов («Степные боги», 2008).

С другой стороны, опыт локальных войн осмысливается в прозе с разной степенью глубины: от философского («Знак зверя» (1992) О. Ермакова, рассказ «Кавказский пленный» (1994), роман «Асан» (2008) В. Маканина, роман и повести Л. Юзефовича о Гражданской войне) до эстетически первичного («Уроки армии и войны, или Хроника чеченских будней. Из дневника солдата-срочника» (2002) И. Анпилогова, «Алхан-Юрт» (2002), «Взлетка» (2005) А. Бабченко, «Русскоговорящий» (2005) Д. Гуцко, «Дикополь» (2002) Е. Даниленко, рассказы «Сантуций», «Готический замок» (2004) А. Карасева, «Я был на этой войне. Чечня-95» (2004) В. Миронова, «Патологии» (2002) З. Прилепина, «Одна ласточка еще не делает весны» (2005), «Шалинский рейд» (2010) Г. Садулаева, цикл рассказов «Щенки и псы войны» (2004) С. Щербакова).

Суханов Вячеслав Алексеевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории русской литературы XX века Томского государственного университета (просп. Ленина, 36, Томск, 634004, Россия; slsuh@mail.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2018. № 3
© В. А. Суханов, 2018

Последнее десятилетие творческой деятельности В. Астафьева отдано осмыслению Великой Отечественной войны. В предисловии к сборнику «Война», в котором собрана проза о войне русских и зарубежных писателей XIX–XX вв., составитель Захар Прилепин охарактеризовал последнюю прозу В. Астафьева о войне следующим образом: «...да, великий – и да, несомненно русский писатель Виктор Астафьев с его последней прозой, озлобленный до натуральных припадков ненависти, смотрится все-таки диковато» [Прилепин, 2008]. Трудно сказать, что конкретно имел в виду З. Прилепин, но думается, что столь категоричный вывод противоречит, в частности, повестям В. Астафьева второй половины 1990-х гг., вошедшим в сборник «Веселый солдат»: «Так хочется жить» (1995), «Обертон», «Веселый солдат». Все повести в сознании самого В. Астафьева представляют «как бы одно целое произведение», «цикл из трех повестей» [Астафьев, 1999б, с. 523–524].

Во многом близкие по типу изображенных сюжетных ситуаций (человек в эпическом состоянии мира), эти повести отличаются типом героя. В повестях «Так хочется жить» и «Обертон» В. Астафьев изображает объективированного героя, обладающего собственной биографией и судьбой [Суханов, 2007]. В повести «Веселый солдат», композиционно завершающей цикл, повествование организовано как рассказ биографического автора – писателя В. Астафьева о себе как Другом (двадцатилетнем) в ситуациях конца войны и первых послевоенных лет с позиции жизни и опыта другого времени, другой социальной и исторической ситуации. Такой тип повествования создает иллюзию совпадения автора с биографическим рассказчиком и героем, представляя вариант «авторской прозы» (Н. Иванова), в которой художественной рефлексии открыто подвергается лично пережитый опыт автора – частного человека, а в основе построения художественного мира лежат автобиографические ценности. Все это позволяет обозначить проблему взаимодействия ценностных миров автора-демиурга и героя в единстве так организованного художественного целого.

Проблематика категории «ценность» и сфера аксиологии представляют широкое поле для философских дискуссий [Микешина, 2009]. Рассматривая в рамках построения теории автора проблему эстетического объекта и ценностей, М. М. Бахтин писал: «В эстетический объект входят все ценности мира, но с определенным эстетическим коэффициентом, позиция автора и его художественное задание должны быть поняты в мире в связи со всеми этими ценностями. Завершаются не слова, не материал, а всесторонне пережитый состав бытия, художественное задание устрояет конкретный мир: пространственный с его ценностным центром – живым телом, временной с его центром – душой и, наконец, смысловой – в их конкретном взаимопроникающем единстве» [Бахтин, 1979, с. 165].

Речь у М. М. Бахтина, таким образом, идет о ценности эстетической, оплотняющей весь наличный состав бытия в единстве художественного целого. Вместе с тем здесь речь идет и о «всех ценностях мира», т. е. о том, что выходит за рамки собственно эстетической деятельности и представляет мир внетекстовых наличествующих ценностей как таковых, то, что М. Мамардашвили называл «темой объективности».

В этом отношении для нас существенными в понимании действительных или объективных ценностей будут следующие моменты:

1) ценность есть отношение, модальность или, другими словами, диспозиционность, свойство быть воспринятым в качестве ценности. «Под ценностью имеется в виду нечто такое, что значимо для человека. Ценно для кого-то и для чего-то. Если мы говорим “ценность”, то мы имеем в виду не сущее, а наше отношение к сущему или нечто по отношению к нам» [Мамардашвили, 2000, с. 400];

2) как отношение ценности переживается, т. е. рождается или актуализируется «здесь и сейчас» (синхрония) и проживается, т. е. изменяется во времени (диахрония), или, в терминологии Н. Гартмана, «актуально, в границах сущего» и «реально, реализуясь в деяниях человека» [Гартман, 2002, с. 221];

3) ценность, таким образом, имеет отношение и к эмоционально-волевому миру, и к миру сознания; так, например, В. Зинченко выделяет ценностной уровень в сознании [Зинченко, 2011]. «Ведь ценности всегда являют какие-то наши головные и сердечные устремления и предпочтения» [Мамардашвили, 2000, с. 401];

4) ценность существует одновременно и как результат, хранящийся в опыте и культуре как предзаданная ценность или «самоценность» (М. М. Бахтин), и как процесс деятельного оценивания (ценностная деятельность), без которого нет ценности, и как итог ценностной деятельности – оценки и поступка [Бахтин, 1986];

5) ценность как деятельное оценивание связано и с присвоением мира, и одновременно с освобождением от него, поэтому ценность коррелирует с такими понятиями, как свобода и необходимость, долг и долженствование (т. е. реализация ценности), действие, выбор, поступок, потребности и оценки. Мир ценностей, таким образом, принадлежит антропологической реальности человеческого существования: «ценность по определению есть конечное измерение. Ценность – для кого-то» [Мамардашвили, 2000, с. 402].

Существует огромное количество классификаций ценностей по разнообразным основаниям [Федосова, 2009]. По генезису (или по порождающему субъекту): групповые (классовые, национальные, социально-территориальные, социально-демографические, семейные и т. д.), индивидуальные, личностные, общесоциальные, общечеловеческие. По форме бытия: 1) витальные – жизнь, здоровье, безопасность, благосостояние и т. д.; 2) социальные – семья, дисциплина, трудолюбие, предприимчивость, богатство, равенство, патриотизм и пр.; 3) политические – гражданские свободы, законность, конституция, мир и др.; 4) моральные – добро, любовь, честь, порядочность, уважение к старшим, любовь к детям и т. п.; 5) религиозные – Бог, Священное Писание, вера и пр.; 6) эстетические – красота, стиль, гармония и др. [Ерасов, 2000].

Художественная рефлексия автором-демиургом личного опыта автора – частного человека в повести «Веселый солдат» не только организует художественное со-бытие, но и предполагает несколько эстетически значимых последствий:

1) исчерпанность героя, т. е. того Другого, о котором ведется рассказ, событием рассказа;

2) свободой рассказчика, и вытекающей отсюда нелинейностью рассказывания во времени и пространстве, дополнительной свободой рассказывания, жестко не привязанного к фабуле, что определяет особенности позиции рассказчика, типы слова в событии рассказывания; ср.: «Да это у нас и по сей день так...» [Астафьев, 1999а, с. 296]¹; «О-о война, о-о бесконечные тяготы и бедствия российские!» (с. 305); «Когда много лет спустя после войны я открыл роскошно изданную книгу...» (с. 308); «Будучи молодым и востроухим...» (с. 321); «...я не заглядывал в тревожное будущее...» (с. 333); «Пройдет всего лишь несколько десятков лет...» (с. 343);

3) тематическими формами развертывания смыслов автором-демиургом, «снимающими» эту разницу в единстве художественного целого.

Фабульно события укладываются в пять лет жизни героя, разворачиваясь в пространствах боя, пересылки, поезда, двух госпиталей (Хасюринский и Усть-

¹ Далее текст повести «Веселый солдат» цитируется по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.

Лабинский), Сталинграда, Ровно, Москвы и Загорска², станции Чусовая, Красноярска. Каждый из топосов художественно развернут в разной степени, что связано с их различной ценностью в биографической жизни героя. Если организация фабульного уровня принадлежит герою, то сюжетного – рассказчику, поскольку он вводит иной временной и пространственный интервал в 50 лет, а антропологические топосы героя достраивает в единую картину мира онтологическими (различные образы природного ряда).

Эти особенности организации повествования, фабулы и сюжета позволяют считать, что аксиология автора-демиурга в «авторской» прозе не равна ценностям мирам ни героя, ни рассказчика, несмотря на их особую автобиографическую близость автору-творцу, раскрывающую в повести В. Астафьева свою определенность постепенно, по мере развертывания и события рассказа, и события рассказывания. Сюжетные ситуации разворачиваются ретроспективно (воспоминания) и организованы внутренним психологическим и этическим мотивом – переживанием рассказчиком совершенного на войне убийства (рассказ об обстоятельствах этого убийства).

Память и письмо (писательство) как ценностные позиции проявлены уже в самих принципах организации повествования, но автору-демиургу очевидно их относительность, поскольку память избирательна, а письмо (писательство) не меняют мир (мотив дурного повторения в истории и социальной жизни), но они важны лично как ценностное и ответственное переживание бытия и своей экзистенциальной вины.

Кругозор героя включает утилитарные и витальные ценности разного порядка (сапоги, пилотка, жилище, еда, желание женщины), что связано как с разными состояниями мира (война и первое послевоенное время), так и с его возрастом и возрастной физиологией, положением в армейской иерархии и социальным статусом (солдат, фронтовик), жизненным и военным опытом. В кругозоре рассказчика эти ценности достраиваются иными жизненными контекстами и рожденными этими контекстами иными пониманиями социального, родового, онтологического, экзистенциального.

В контексте рассказчика герой предстает не столько в своей индивидуальной определенности, сколько как часть национального целого, поэтому его индивидуальная судьба выглядит частью народной судьбы, что определяет наличие множественных ситуаций военного и послевоенного времени: голода и недоедания, отсутствия достойных человека предметов и вещей (история шинели), тяжелого изнуряющего физического труда, безденежья и бедности, невозможности иметь нормальное жилище. Своеволие и безжалостность военных командиров, начальников и чиновников предстают на уровне рассказчика не как проявление онтологических законов мироустройства, а как элементы репрессивной социальной системы, которая надстроилась над народным целым. Она породила обслуживающий эту систему слой индивидуалистов, для которых социально (официально) декларируемые нормы и требования служат прикрытием своекорыстных эгоистических интересов (сцена с приказом Жукова). По мысли рассказчика, при внешне декларируемой заботе о человеке «всепожирающая печь социализма» (с. 499) была направлена на унижение, лишение чувства собственного достоинства, а в итоге – на расчеловечивание нации (сделать виноватым русского человека).

Утрата родовой идентичности героем (детдомовское детство, ранняя смерть матери и беспутность отца) компенсируется в единстве художественного целого обретением национальной идентичности рассказчиком (принадлежность к народу всем способом существования) и авторским обретением универсальной общечеловеческой идентичности.

² Сейчас г. Сергиев-Посад.

Социальная и историческая судьба народа в духе некрасовской этики предстает как страдальческая, а жизнь героя – как страдание, дополнительно усиливаемое страданиями близких (аборт и болезнь жены), потерей дочери. Рассказчик вскрывает абсурд социальных правил и установлений (т. е. социальных ценностей), социальный хаос, отсутствие порядка как неотъемлемого атрибута социальной системы: «Безобразно доставляли раненых с передовой в тыл. Выбыл из строя – никому не нужен, езжай лечись, спасайся как можешь» (с. 292). Рождаемый социальный хаос вызывает к жизни тех, кто паразитирует на беспомощности солдат: мародеры, спекулянты.

Источником физического спасения оказывается не социальный мир, в котором человек гибнет (сцены в госпитале, послевоенная жизнь солдат), а онтология (сцены рыбалки, первого зеленого лука, картошки), жизненное пространство которой открыто для всех. Источник духовного спасения и в условиях войны, и в условиях послевоенной жизни рассказчик обнаруживает в спасительной силе национальных ценностей: терпение, чувство человеческого родства, взаимопомощи и поддержки (семья жены).

Архетипический уровень сознания автора-демиурга соединяет ценностные миры героя и рассказчика и фиксирует бытие как многообразие. Но это многообразие должно быть структурировано разумом и человеческими ценностями, поэтому оно организовано оппозицией космос/хаос. Любые формы установления порядка выступают как ценностные, поскольку вносят организацию и справедливость в социальный хаос. Порядок предполагает внесение в социальный мир иерархичности как формы его упорядочивания и структурирования. Отсюда основные архетипы отца (Бог как создатель, творец) и матери.

Архетип матери (природы) как животворящий и архетип отца как структурно-организующий животворящую материю природы определяют принципы оценивания, иерархию (порядок/беспорядок) и систему оценок автора, позволяющую ему выйти к «смысложизненной ценностно-экзистенциальной реальности» [Выжлецов, 2013, с. 80].

Событие исторического военного конфликта и личное участие (убийственный выстрел) помещены автором-демиургом в три пространства: в онтологические реалии природного мира как далекого и равнодушного к человеку (Дуклинский перевал, горы и горная растительность), так и близкого (река); в антропологическое пространство освоенной природы (картофельное поле, клевер, подсолнухи, домашние животные); в социальный мир человека (польская деревушка, костел), хрупкость которого фиксируется мотивом «игрушечности»: «Крестик на костеле игрушечно мерцал, возникая из осеннего марева...» (с. 285)

Картофельное поле и мотив картошки (ее едят, в ней и спасаются, и умирают), как и позиция рассказчика, отсылают к другим текстам В. Астафьева, прежде всего к «Оде русскому огороду», и превращают конкретную предметность изображаемой картошки в символ жизнотворящего начала («опора нашей жизни»). В совокупность мотивов жизнотворения и хрупкости жизни влетает мотив разрушительной деятельности человека, подрывающей фундаментальные основы бытия: «Иъезженная вдоль и поперек войнами, истерзанная нашествиями и разрухами, здешняя земля давно уже перестала рожать людей определенного пола...» (с. 286)

Рассказчик, выполняя социальный и родовой долг (защита государства и отечества), становится частью и одним из участников этой деятельности, нарушая космический закон и убивая врага, но человека. Состояние героя, в котором он убивает немца, рассказчик характеризует как «усталое, равнодушное, привычное к мертвецам и смертям» (с. 291). На уровне сознания автора-творца внутренняя опустошенность героя в момент рокового выстрела определена эмоциональным выгоранием, которое война рождает в каждом. Но эту опустошенность разрушает

бессознательный собственно человеческий импульс – скрываемое чувство личной вины, что дополнительно подчеркивается введением мотивов неузнанного родства и самообмана: «убедил себя в том, что он был обыкновенный» (с. 292).

Это чувство прорывается через все личное, социальное, национальное: «Но ночью, после дежурства на телефоне, я вдруг заблажил, чего-то страшное увидев во сне, вскочил, ударился башкой о низкий настил...» (с. 291). Оно корректируется в лирико-философских размышлениях рассказчика: «Тянет, обнимает земля человека, в муках и для мук рожденного, мимоходом с земли смахнутого человеком же убитого, истребленного» (Там же), завершаясь выводом о пожирающей животной силе, которая «необратима, неотмолима и неизменна: кто-то кого-то все время убивает, ест, топчет» (с. 292). Биологический закон пищевых цепей человек возвел в собственный мировоззренческий принцип: «вырастил и утвердил человек убеждение: только так, убивая, поедая, топча друг друга, могут сосуществовать индивидуумы земли на земле» (Там же).

Фундаментальное основание авторской иерархии ценностей (жизнь всякого человека) вводится в начале повествования мотивом ее нарушения героем: «Четырнадцатого сентября одна тысяча девятьсот сорок четвертого года я убил человека. Немца. Фашиста. На войне» (с. 283). Этот мотив на уровне авторской темы ценности человеческой жизни завершает как первую часть повести («Солдат лечится»), так и ее финал. «Четырнадцатого сентября одна тысяча девятьсот сорок четвертого года я убил человека. В Польше. На картофельном поле. Когда я нажимал на спуск карабина, палец был еще целый, неизуродованный, молодое мое сердце жаждало наполнения горячим кровотоком и преисполнено надежд» (с. 518).

Смысловая редукция национального, идеологического и ситуативного компонентов высказывания (немец, фашист, на войне) позволяет говорить об универсальном характере этой ценности (человек) и сопровождающем всю жизнь автора острым чувстве вины за совершенное.

Для рассказчика актуальны ситуации защиты собственного достоинства как героем, так и другими персонажами, что формирует единую авторскую тему защиты личного достоинства в мире как ценность, достраивающую и смысл, и семантику названия: «веселый солдат» – не только номинация героя другими персонажами, но и авторское понимание ценностной позиции человека в бытии, где он выступает солдатом, защитником жизни от всех форм ее уничтожения и в этом отношении «смысл его близок смыслу матери» (А. Платонов).

Таким образом, поэтика повести «Веселый солдат» открывает эволюцию сознания человека от группового сознания и его ценностей на уровне героя (детдом, армия) к общенациональному – на уровне рассказчика, общечеловеческому и экзистенциальному – на уровне сознания автора-демиурга как обретение личной вины и ответственности за жизнь человечества и конкретного человека.

Список литературы

Астафьев В. П. Веселый солдат // Астафьев В. П. Веселый солдат: Повести. Иркутск: Сапронов Г. К., 1999а. С. 283–518.

Астафьев В. П. Всей моей жизнью и кровью... Комментарий автора // Астафьев В. П. Веселый солдат: Повести. Иркутск: Сапронов Г. К., 1999б. С. 519–526.

Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 7–180.

Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984–1985. М., 1986. С. 80–138.

Выжлецов Г. П. Ценность и экзистенция в современной аксиологии // Вестн. С.-Петербур. ун-та. 2013. Сер. 17. Философия. Вып. 4. С. 78–82.

- Гартман Н.* Этика / Пер. А. Б. Глаголева. СПб.: Владимир Даль, 2002. 708 с.
- Ерасов Б. С.* Социальная культурология: Учеб. для студентов высших учебных заведений. 3-е изд., доп. и перераб. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 64–77.
- Зинченко В.* Ценности в структуре сознания // Вопросы философии. 2011. № 8. С. 85–97. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=363&Itemid=52 (дата обращения 16.03.2018).
- Мамардашвили М. К.* Эстетика мышления. М.: Моск. шк. политических исследований, 2000. 416 с.
- Микешина Л. А.* Современное развитие понятия «ценность» // Ценности и смыслы. 2009. № 1. С. 6–17.
- Прилепин З.* Человек. Бездна. Бог // Война. WAR. Рассказы. М.: Астрель, 2008. URL: <http://knigogid.ru/books/348956-voyna/toread> (дата обращения 16.03.2018).
- Суханов В. А.* Долженствование в реалистической прозе рубежа XX–XXI веков // Вестн. ВЭГУ. Филология. 2007. № 29/30. С. 154–163.
- Федосова И. В.* Проблема ценностных ориентаций в научной литературе // Ценности и смыслы. 2009. № 2. С. 75–92.

V. A. Sukhanov

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, slsuh@mail.ru

**Axiology of the author and the hero in Victor Astafyev's short novels of the 1990s:
«The Jolly Soldier»**

In Victor Astafyev's story «The Jolly Soldier» («Veselyy soldat») the memories of character-narrator are organised by an inner psychological and ethical motivation, i. e. experience of a murder committed during a war. The virtue of memory and writing is explicit in the very narrative principles, although its relativity is obvious to the author-demiurge. Memory is selective, and writing (literary work) cannot change the world (ill repetition of history and social life motive), but both are important for an individual life-experience as a measure of its value and one's responsibility. This experience includes the character's utilitarian and vital values of various kind, due to his age and physiology. Being a part of the narrator's range of vision, the values are shaped by the context of his life and therethrough by a different understanding of the social, the ancestral, the ontological and the existential. The narrator sees the character as a part of a nation. Therefore his fate is but a part of the people's fate.

Scenes, where either a character himself or other characters advocate personal dignity, are an important element of the narration. The author forms a unified subject – advocacy of personal dignity as a value in this world. This subject completes the meaning of the title: «Jolly soldier» is not just a name given to the character by the others, it is also the author's understanding of a human place in the existence. Thus, a human is a soldier, a defender of life from all kind of destructive forces (national, historical and social, both inner and outer).

Value worlds, both of character and narrator, are united on the archetypal level by author-demiurge, who states the diversity of existence. This level is organised with the order/chaos opposition for the diversity needs to be structured by the mind and the human values. Any forms of order establishment bring structure and justice in the social chaos. Therefore they are stated as valuable.

The author shows the evolution of human's consciousness via the plot of the story: from the group consciousness and the values on the character's level (orphanage, army) to the national – on the narrator's level, and to the universal and existential as a personal guilt and responsibility for humanity and for the human – on the demiurge consciousness' level. The features of narration, fable and plot reveal that the axiology of author-demiurge in the «author's» prose is not equal to the value worlds both of the character and the narrator though all three are autobiographically close.

Keywords: prose about the war, Victor Astafyev, axiology, short novel, poetics of narrative, the artistic whole, values worlds.

DOI 10.17223/18137083/64/12

References

Astaf'yev V. P. Veselyy soldat [Merry soldier]. In: Astaf'yev V. P. *Veselyy soldat: Povesti* [Merry soldier: Stories]. Irkutsk, Sapronov G. K., 1999, pp. 283–518.

Astaf'yev V. P. Vsey moyey zhizn'yu i krov'yu... Kommentariy avtora [By all my life and blood... Author's comment]. In: Astaf'yev V. P. *Veselyy soldat: Povesti* [Merry soldier: Stories]. Irkutsk, Sapronov G. K., 1999, pp. 519–526.

Bakhtin M. M. Avtor i geroy v esteticheskoy deyatelnosti [Author and hero in aesthetic activity]. In: Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The aesthetics of verbal art]. Moscow, Iskusstvo, 1979, pp. 7–180.

Bakhtin M. M. K filosofii postupka [To the philosophy of the act]. In: *Filosofiya i sotsiologiya nauki i tekhniki. Ezhegodnik 1984–1985* [Philosophy and sociology of science and technology. Yearbook 1984–1985]. Moscow, 1986, pp. 80–138.

Erasov B. S. *Sotsial'naya kul'turologiya: Ucheb. dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedeniy. 3-e izd.* [Social culturology: A textbook for students of higher educational institutions. 3rd ed.]. Moscow, Aspect Press, 2000, pp. 64–77.

Fedosova I. V. Problema tsennostnykh oriyentatsiy v nauchnoy literature [The problem of value orientations in the scientific literature]. *Tsennosti i smysly*. 2009, no. 2, pp. 75–92.

Gartman N. *Etika* [Ethics]. Transl. by A. B. Glagolev. St. Petersburg, Vladimir Dal', 2002, 708 p.

Mamardashvili M. K. *Estetika myshleniya* [Aesthetics of thinking]. Moscow, Mosk. shk. politicheskikh issledovaniy, 2000, 416 p.

Mikeshina L. A. Sovremennoye razvitiye ponyatiya "tsennost'" [Modern development of the concept of "value"]. *Tsennosti i smysly*. 2009, no. 1, pp. 6–17.

Prilepin Z. Chelovek. Bezdna. Bog [Prilepin Z. Person. Abyss. God]. In: *Voyna. WAR. Rasskazy* [War. WAR. Stories]. Moscow, Astrel, 2008. URL: <https://knigogid.ru/books/348956-voyna/toread> (accessed 16.03.2018).

Sukhanov V. A. Dolzhenstvovanie v realisticheskoy proze rubezha XX–XXI vekov [Oughtness in realistic prose of the turn of the 20th and 21st centuries]. *Vestnik VEGU. Filologiya*. 2007, no. 29/30, pp. 154–163.

Vyzhletsov G. P. Tsennost' i ekzistentsiya v sovremennoy aksiologii [Value and existence in modern axiology]. *Vestnik SPbSU. Philosophy and Conflict Studies*. 2013, iss. 4, pp. 78–82.

Zinchenko V. Tsennosti v strukture soznaniya [Values in the structure of consciousness]. *Voprosy filosofii*. 2011, no. 8, pp. 85–97. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=363&Itemid=52 (accessed 16.03.2018).